

1001 ночь.

Повесть о царе Омаре ибн ан-Нумане и его сыне ШаррКане, и другом сыне Дау-аль Макане, и о случившихся с ними чудесах и диковинах

[Повесть о царе Омаре ибн ан-Нумане, ночи 45-50](#)

[Повесть о царе Омаре ибн ан-Нумане, ночи 51-56](#)

[Повесть о царе Омаре ибн ан-Нумане, ночи 57-62](#)

[Повесть о царе Омаре ибн ан-Нумане, ночи 63-68](#)

[Повесть о царе Омаре ибн ан-Нумане, ночи 69-74](#)

[Повесть о царе Омаре ибн ан-Нумане, ночи 75-80](#)

[Повесть о царе Омаре ибн ан-Нумане, ночи 81-86](#)

[Повесть о царе Омаре ибн ан-Нумане, ночи 87-92](#)

[Повесть о царе Омаре ибн ан-Нумане, ночи 93-98](#)

[Повесть о царе Омаре ибн ан-Нумане, ночи 99-107](#)

Восемьдесят первая ночь

Когда же настала восемьдесят первая ночь, она сказала: "Дошло до меня, о счастливый царь, что везирь Дандан рассказывал Дау-аль-Макану: "И вторая девушка говорила твоему покойному отцу, Омару ибн ан-Нуману: "Один человек сказал Мухаммеду ибн Абд-Аллаху: "Дай мне наставление". И тот ответил: "Мое наставление тебе: будь в этой жизни владыкой воздержанным, а до будущей жизни рабом жадным". – "Как так?" – спросил человек. И Мухаммед ответил: "Воздержный в этой жизни владеет и вольной жизнью в будущем".

Говорил Гаус ибн Абд-Аллах: "Было два брата среди сынов Израиля, и один спросил другого: "Какое самое страшное дело ты сделал?" – "Я проходил мимо гнезда с птенцами, – отвечал тот, – и, взяв оттуда одного из птенцов, бросил его обратно в гнездо, но не к тем птенцам, от которых я взял его; это самое страшное дело, которое я сделал". – "А какое дело самое страшное из того, что сделал ты?" – "Что до меня, – отвечал ему брат, – то вот самое страшное дело, которое я совершаю: вставая на молитву, я боюсь, что делаю это только ради награды". А отец слышал их речи и воскликнул: "О боже, если они говорят правду, возьми их к себе!" И сказал кто-то из разумных: "Поистине, эти двое из числа достойнейших детей".

Говорил Сапд ибн Джубейр: "Я был вместе с Фудалой ибн Убейдом и сказал ему: "Дай мне наставление", а он отвечал: "Запомни из моих слов две черты: не придавай Аллаху никого в товарищи и не обижай ни одну из тварей Аллаха". И он произнес такое двустишие:

"Таким, каким хочешь, будь – Аллах многомилостив.

Заботы оставь свои – ведь в жизни дурными

Два дела лишь должно счесть, – не будь же ты Близок к ним,

Придача богов других и к людям жестокость".

А сколь прекрасны слова поэта:

"Когда ты не взял с собой запас благочестия

И встретишь по смерти тех, кто им запастись успел"

Ты каяться будешь в том, что с ними несходен ты,

И в том, что запаса ты не сделал, подобно им",

Затем выступила третья девушка, после того как отошла вторая, и сказала:

"Поистине, глава о подвижничестве очень обширна, но я расскажу из нее кое-что, что мне вспомнится со слов благочестивых предков.

Сказал кто-то из знающих: "Я радуюсь смерти и не уверен, что найду в ней отдых. Но я знаю, что смерть стоит между мужем и его делами, и я надеюсь, что добрые дела будут удвоены, а злые дела прекратятся".

Когда ученый Ата-ас-Сулами заканчивал наставление, он начинал трястись, дрожать и горько плакать. Его спросили: "Почему эго?" И он отвечал: "Я собираюсь приступить к великому делу, а именно – стать перед лицом великого Аллаха, чтобы поступать сообразно с моим наставлением. Поэтому-то Али Звина-аль-Абидин [139], сын аль-Хусейна, дрожал, вставая на молитву, и когда его спросили об этом, он сказал: "Разве знаете вы, перед кем я встаю и к кому обращаюсь?"

Говорят, что рядом с Суфьяном ас-Саури жил один слепой человек, и когда наступал месяц рамадан [140], он выходил с людьми молиться, но молчал и оставался дольше других. И говорил Суфьян: "Когда настанет день воскресения, приведет людей Корана, и они будут выделены среди других тем признаком, что им оказано будет большое уважение".

Говорил Суфьян: "Если бы душа утвердилась в сердце как следует, оно бы наверно взлетело от радости, стремясь к раю, и от печали и страха перед огнем".

И говорят со слов Суфьяна, что он сказал: "Смотреть в лицо несправедливому – грех".

Затем третья девушка отошла и выступила четвертая и сказала:

"А вот и я расскажу кое-что из того, что мне вспомнится из рассказов о праведниках.

Передают, что Бишр Босоногий [141] говаривал: "Я слышал, как Халид [142] говорил: "Берегись тайного многобожия!" – "А что такое тайное многобожие?" – спросили его. И он сказал: "Если кто-нибудь из вас молится и очень долго длит поясные и земные поклоны, то снова становится нечистым".

Говорил кто-то из знающих: "Добрые дела искупают злые", а Ибрахим говорил: "Я пробил Бишра Босоногого открыть мне кое-что из тайн истинной жизни, и он сказал мне: "О сынок, этой науке нам не следует учить всякого: из каждой сотни – пять, как подать с денег". И я нашел его слова прекрасными и одобрил их, – говорил Ибрахим ибн Адхам, – и однажды я молюсь и вижу – Бишр тоже молится. И я встал сзади него, творя поклоны, пока не прокричал муздзин [143]. И тут поднялся человек в обтрепанной одежде и сказал: "О люди, берегитесь

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

вредоносной правды, и нет зла в полезной лжи; в необходимости нет выбора, и не помогут слова при отсутствии блага, как не повредит молчание, когда оно есть". Однажды я увидел, – говорил Ибрахим, – как у Бишра упал даник [144], и я встал и подал ему вместо него дирхем, но он сказал: "Я не возьму его". – "Это вполне дозволено", – сказал я. И Бишр отвечал: "Я не променяю на блага здешней жизни блага жизни будущей. Рассказывают, что сестра Бишра Босоногого отправилась к Ахмеду ибн Ханбалью... [145]"

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Восемьдесят вторая ночь

Когда же настала восемьдесят вторая ночь, она сказала: "Дошло до меня, о счастливый царь, что везирь Дандан рассказывал Дау-аль-Макану: "И девушка говорила твоему отцу, что сестра Бишра Босоногого отправилась к Ахмеду ибн Ханбалью и сказала ему: "О Имам веры, мы прядем ночью и работаем для жизни днем. Мимо нас редко проходят стражники Багдада со светильниками, а мы сидим на крыше и прядем при свете их. Запретно ли это нам?" – "Кто ты?" – спросил ее Ахмед ибн Ханбаль. "Сестра Бишра Босоногого", – отвечала она. И ибн Ханбаль воскликнул: "О семейство Бишра, я не перестаю усматривать благочестие в ваших сердцах".

Говорил кто-то из знающих: "Когда Аллах хочет своему рабу добра, он открывает ему врата дела".

Когда Малик ибн Динар проходил по рынку и видел что-нибудь, чего ему хотелось, он говорил: "О душа, черни, я не соглашусь на то, чего ты желаешь!" И говорил он: "Да будет доволен Аллах, спасение души в том, чтобы перечить ей, а беда для души в том, чтобы ей следовать".

Говорил Мансур ибн Аммар: "Однажды я совершил паломничество и направлялся в Мекку через Куфу, а ночь была темная. И вдруг я услышал, как кто-то кричит в глубине ночи: "О боже, клянусь твоей славой и величием, совершив грех, я не хотел тебя послушаться, и я не отрицаю бытия твоего. Это прегрешение ты судил мне совершить в твоей предвечной безначальности. Прости же мне то, в чем я преступил; я послушался тебя по неведению!" И, окончив молиться, он произнес такой стих из Корана: "О те, кто уверовал, охраняйте себя и ваших близких от огня, топливо которого – люди и камни...", и я услышал шум падения, причины которого я не знал, и уехал. А когда настал следующий день, мы шли по дороге и увидели похоронное шествие, и за ним шла старуха, силы которой ушли. Я спросил ее об умершем, и она сказала: "Это похороны одного человека, который вчера проходил мимо нас, когда мой сын стоял и молился. И он прочел стих из книги Аллаха великого, и у этого человека лопнул желчный пузырь, и он умер".

Затем четвертая девушка отошла и выступила пятая и сказала:

"А вот я расскажу кое-что из того, что мне вспомнится из рассказов о праведных предках.

Говорил Маслам ибн Динар: "Если исправить темные мысли, простятся и малые и великие прегрешения. И если вознамерится раб оставить грехи придет к нему милость Аллаха". И говорил он: "Всякое благо, которое но приближает к Аллаху, есть бедствие, и малое в здешней жизни отвлекает от многого в будущей, а многое в здешней жизни заставляет забыть о малом в жизни будущей".

Спросили Абу-Хазима: "Кто счастливейший из людей?" И он сказал: "Человек, жизнь которого проходит в повиновении Аллаху". – "А кто глупейший из людей?" – спросили его. И он ответил: "Тот, кто продает свою будущую жизнь за здешнюю жизнь другого".

Передают, что когда Муса [146] – мир с ним! – пришел к воде Мадьянитов [147], он сказал: "Господи, я нуждаюсь во благе, которое ты мне ниспослал!" И Муса просил своего господа, но не просил людей. И пришли две девушки, и он напоил их скотину и не пустил пастухов вперед. И девушки, вернувшись, рассказали об этом своему отцу, Шуайбу, – мир с ним! А тот сказал: "Может быть, он голоден?" – и он велел одной из них: "Воротись к нему и позови его!" И девушка, придя к Мусе, закрыла лицо и сказала: "Мой отец зовет тебя, чтобы дать тебе награду за то, что ты принес нам воды". Но Муса не желал этого и не хотел следовать за нею. А это была женщина с большим задом, и ветер подымал ее одежду, так что Мусе был виден ее зад, и он зажмуривал глаза. И потом он сказал ей: "Будь сзади, а я пойду впереди тебя". И она шла сзади, пока он не вышел к Шуайбу – мир с ним!

Когда ужин был приготовлен..."

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Восемьдесят третья ночь

Когда же настала восемьдесят третья ночь, она сказала: "Дошло до меня, о счастливый царь, что везирь Дандан рассказывал Дау-аль-Макану: "И пятая невольница говорила твоему отцу: "И Муса – мир с ним! – вошел к Шуайбу, когда ужин был приготовлен. И Шуайб сказал ему: "О Муса, я хочу дать тебе награду за то, что ты принес им воды. А Муса отвечал: "Я из людей того дома, где не продают деяния будущей жизни за все золото и серебро на земле". – "О юноша, – ответил Шуайб, – ты ведь мой гость, а мой обычай и обычай моих отцов почтить гостя, накормив его пищей". И Муса поел, а затем Шуайб нанял его на время восьми паломничеств, то есть лет, и как плату за это предназначил ему в жены одну из своих дочерей. И работа Мусы для Шуайба была за нее выкупом, как сказал Аллах великий, говоря за Шуайба: "Я хочу женить тебя на одной из этих моих двух дочерей за то, что ты прослужишь у меня восемь паломничеств. И если ты завершишь десяток, это будет от тебя, а я не хочу тебя затруднять".

Один человек сказал своему другу, которого он долго не видел: "Ты заставил меня тосковать, так как я давно не видел тебя". – "Меня отвлек от тебя ибн Шихаб, – ответил его друг. – Знаешь ли ты его?" – "Да, сказал спрошенный, – он уже тридцать лет мой сосед, но я с ним не заговариваю". – "Ты забыл Аллаха и потому забыл соседа, а если бы ты любил Аллаха, то любил бы и соседа, – ответил ему друг. – Разве ты не знаешь, что сосед имеет такие же права на соседа, как родственник?"

Говорил Хузейфа: "Мы вступим в Мекку вместе с Ибрахимом ибн Адхамом, и Шакик аль-Бальхи тоже совершал паломничество в этом году. Мы встретились во время обхода, и Ибрахим спросил Шакика: "Как вы поступаете в ваших землях?" – "Когда имеем – едим, а когда голодаем – терпим", – ответил Шакик. И Ибрахим воскликнул: "Так делают собаки из Балха! Мы же, когда имеем, почитаем Аллаха, а когда голодаем, воздаем ему хвалу". И Шакик сел перед Ибрахимом и сказал ему: "Ты мой наставник".

Говорил Мухаммед ибн Имран: "Один человек спросил Хамима Глухого: "Что заставляет тебя полагаться на Аллаха?" И тот отвечал: "Два обстоятельства: я знаю, что мой удел не съест никто, кроме меня, и моя душа спокойна о нем. И я знаю также, что я сотворен не без ведома Аллаха, и потому я в смущении перед ним".

Затем пятая девушка отошла, и выступила старуха, и, поцеловав землю меж рук твоего отца девять раз, сказала:

"Ты слышал, о царь, что они все говорили о подвижничестве. Я последую их примеру и расскажу часть того, что дошло до меня о великих предках.

Говорят, что имам аш-Шафии разделял ночь на три части: первая треть для науки, вторая для сна и третья – для ночной молитвы.

А имам Абу-Ханифа

бодрствовал полночи, и один человек указал на него, когда он проходил, и сказал другому: "Этот бодрствует всю ночь". И, услышав это, имам сказал: "Мне стыдно перед Аллахом, что приписывается мне то, чего во мне нет". И стал после этого бодрствовать всю ночь.

Говорил ар-Раби: "Аш-Шафии целиком произносил Коран в течение месяца рамадана семьдесят раз, и все это во время молитвы".

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

Говорил аш–Шафии – да будет доволен им Аллах! – "Я десять лет не ел досыта ячменного хлеба, так как сытость ожесточает сердце, уничтожает сообразительность, навлекает сон и делает сытого слишком слабым, чтобы стоять на молитве".

Передают со слов Абд–Аллаха ибн Мухаммеда ас–Суккари, что он говорил: "Я беседовал с Омаром, и он сказал мне: "Я не видел человека благочестивей и красноречивей, чем Мухаммед ибн Идрис–аш–Шафии. Случилось, что я вышел вместе с аль–Харисом ибн Лабибом ас–Саффаром, – а аль–Харис был учеником аль–Музани, – и у него был прекрасный голос. И он прочел слова Аллаха – велик он: "Бог день, когда они не заговорят и не будет им позволено оправдаться). И я увидел, что у имама аш–Шафии изменился цвет лица и волосы поднялись на его коже, и он сильно задрожал и упал без сознания. Придя в себя, он воскликнул: "У Аллаха ишу спасения от того, чтобы быть на месте лжецов и в толпе небрегущих. О боже, перед тобою смиряются сердца знающих! О боже, подари мне прощение моих грехов по твоей щедрости и укрась меня твоим покровом и прости мне мое неумение по величию лика твоего!" А затем я поднялся и ушел.

Говорил кто то из верных людей: "Когда я пришел в Багдад, аш–Шафии был там. Я сел на берегу, чтобы омыться для молитвы, и вдруг мимо меня прошел человек и сказал мне: "О молодец, совершай хорошо омовение, и Аллах даст тебе хорошее и в здешней жизни и в будущей". И я обернулся и вижу – идет человек, за которым следует толпа. Я поторопился с омовением и пошел по его следам, и он обернулся ко мне и спросил: "Есть у тебя какая–нибудь нужда?" – "Да, – ответил я, – научи меня тому, чему научил тебя Аллах великий". – "Знай, – сказал человек, – что тот, кто правдив с Аллахом – спасается, а кто любит свою веру – уцелеет от гибели. Кто воздержан в здешней жизни, глаза того прохладятся в жизни будущей". – "Не прибавить ли тебе еще?" – спросил он. И когда я ответил: "Да", он сказал: "Будь воздержан в этой жизни и жаден до будущей. Будь правдив в твоих делах и спасешься со спасающимся". И он ушел, а я спросил о нем, и мне сказали: "Это имам аш–Шафии".

Имам аш–Шафии говорил: "Я хотел бы, чтобы люди извлекли пользу из моего знания с тем, чтобы ничто потом не приписывалось мне..."

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Восемьдесят четвертая ночь

Когда же настала восемьдесят четвертая ночь, она сказала: "Дошло до меня, о счастливый царь, что везирь Дандан рассказывал Дау–аль–Макану: "И старуха говорила своему отцу: "Имам аш–Шафии говорил: "Я хотел бы, чтобы люди извлекли пользу из моего знания с тем, чтобы ничто потом не приписывалось мне. Споря с кемнибудь, – говорил он, – я всегда хотел, чтобы Аллах великий поддержал его в истине и помог ему ее проявить. Я никогда ни с кем не спорил иначе, как для того, чтобы проявить истину, и я не думаю о том, изъяснит ли Аллах истину моими устами или устами моего соперника".

И говорил он – да будет доволен ям Аллах! – "Если ты боишься из–за знания твоего стать гордым, вспомни, чьего благоволения ты ищешь и какого блага желаешь и какой кары страшишься".

Сказали Абу–Ханифе: "Повелитель правоверных Абуджафар аль–Мансур поставил тебя судьей и назначил тебе десять тысяч дирхемов". И Абу–Ханифа не согласился. Когда же настал день, в который было назначено принести ему деньги, он совершил утреннюю молитву, а затем закрылся одеждой и не говорил. И к нему пришел посол от повелителя правоверных с деньгами и, войдя к Абу–Ханифе, обратился к нему, но тот не ответил. И посол халифа сказал: "Эти деньги дозволены". Но Абу–Ханифа ответил: "Я знаю, что они мне дозволены, но я не хочу, чтобы мне в сердце запала любовь к притеснителю". – "А если бы ты вошел к ним и старался уберечься от любви к ним", – сказал посол. И Абу–Ханифа ответил: "Я не уверен, что, войдя в море, не замочу своей одежды". А вот слова аш–Шафии, – да будет доволен им великий Аллах!

"Душа моя, коль речи мои ты примешь,

Богатою ты и славною вечно будешь.

Мечты оставь и страстные ты желанья!

Как часто мечта влечет за собой гибель"

А вот слова Суфьяна ас–Саури из его наставления Алню ибн аль–Хасану ас–Сулами: "Будь правдив и берегись лжи, обмана, лицемерия и заносчивости, ибо Аллах уничтожает праведное дело одним из этих свойств. Не заимствуй своей веры ни от кого, кроме тех, кто оберегает свою веру, и да будет твой собеседник из воздержанных в этой жизни. Вспоминай чаще о смерти и учащай просьбу о прощении. Проси у Аллаха благополучия на оставшийся срок твоей жизни и будь искренним советчиком всякому правоверному, когда он спросит тебя о делах своей веры; бойся обмануть правоверного, ибо кто обманул правоверного, тот обманул Аллаха и его посланника. Оставь споры и препирательства; брось то, что внушает тебе сомнение, ради того, что для тебя несомненно, и будешь благополучен. Призывай к благу и удерживай от порицаемого – будешь возлюбленным Аллаха; укрась свои тайные мысли – Аллах украсит твои явные действия; принимай оправдания оправдывающихся и не питай ненависти ни к кому из мусульман; сближайся с тем, кто порывает с тобою, и прощай обижающим тебя – будешь товарищем пророков, пусть будет твое дело вручено Аллаху и в тайном и в явном. Бойся Аллаха, как боится тот, кто знает, что умрет и восстанет и что ему суждено воскреснуть и стоять перед всеильным. И знай, что ты идешь к одной из обителей: либо в возвышенный рай, либо в жаркий огонь".

Потом старуха села рядом с девушками, а твой покойный отец, услышав их слова, понял, что они достойнейшие женщины своего времени. И он увидал их красоту и прелесть и великое образование и приблизил их к себе и, обратившись к старухе, оказал ей почет и отвел ей и девушкам тог дворец, где была царевна Абриза, дочь царя румов, и прислал им то, что им было нужно из благ.

И они пробыли у него десять дней, и старуха с ними. И всякий раз, как царь входил к ней, он находил ее погруженной в молитву, и ночь она выстаивала, а днем постилась. И в сердце царя запала любовь к ней, и он сказал мне: "О везирь, поистине эта старуха из числа праведниц, и велико почтение к ней в моем сердце!"

А когда настал одиннадцатый день, царь встретился с нею, чтобы отдать ей деньги за девушек, и она сказала: "О царь, знай, что цена этих девушек выше того, о чем люди заключают сделки, но я не потребую за них ни золота, ни серебра, ни драгоценных камней, мало это будет или много".

И, услышав ее слова, твой отец удивился и спросил: "О госпожа, а какова цена за них?". И старуха ответила: "Я продам их только за пост в течение целого месяца, чтобы ты днем постился, а ночью стоял бы на молитве ради Аллаха великого. И если ты это сделаешь – они твоя собственность в твоём дворце, и делай с ними, что хочешь".

И царь удивился ее совершенной праведности, воздержанию и благочестию, и она стала великой в его глазах, и он воскликнул: "Да сделает Аллах эту праведную женщину нам полезной!"

А потом он условился с нею, что пропустится месяц, как она его обязала, и старуха молвила: "А я помогу тебе молитвами и буду за тебя молиться. Принеси мне кувшин воды".

И царь велел принести ей кувшин воды, и она взяла его и стала над ним читать и бормотать и просидела немного, говоря слова, которых мы не понимали и ничего не уразумели в них. А затем она накрыла кувшин лоскутом материк, запечатала его и, подав его своему отцу, сказала: "Когда ты пропостишься первые десять дней, разреши пост в одиннадцатую ночь, выпив то, что в этом кувшине: питье извлечет из твоего сердца любовь к здешнему миру и наполнит его светом и верой. А завтра я уйду к моим друзьям, людям невидимого мира, – я стосковалась по ним, – и вернусь к тебе, когда пройдут первые десять дней".

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

И твой отец взял кувшин, а затем он поднялся и выбрал отдельное помещение во дворце, куда и поставил кувшин, а ключ он положил за пазуху. Люди невидимого мира – святые.

И когда пришел день, царь стал поститься, а старуха ушла своей дорогой..."

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Восемьдесят пятая ночь

Когда же настала восемьдесят пятая ночь, она сказала: "Дошло до меня, о счастливый царь, что везирь Дандан говорил Дау-аль-Макану: "И когда пришел день, царь стал поститься, а старуха ушла своей дорогой. И царь завершил десятидневный пост, а на одиннадцатый день он открыл кувшин и выпил из него и нашел, что питье приятно действует на его душу. А когда пришли вторые десять дней месяца, явилась старуха, и у нее был кусок сладкого в зеленом листе, не походившем на листья деревьев. Она вошла к царю и приветствовала его. И царь, у видя ее, поднялся и сказал: "Добро пожаловать, праведная госпожа!" – "О царь, – отвечала она, – люди невидимого мира приветствуют тебя. Я рассказала и про тебя, и они возрадовались и посылают тебе эти сласти – они из сластей будущей жизни. Вкуси же от них в конце дня".

И твой отец обрадовался великою радостью и воскликнул: "Слава Аллаху, который сделал моими братьями людей невидимого мира!" А потом он поблагодарил старуху и поцеловал ей руки из уважения и оказал девушкам величайший почет.

И минуло двадцать дней, как твой отец постился, а в конце двадцатую дня старуха пришла к нему и сказала: "Знай, о царь, я рассказала невидимым людям о нашей любви и сообщила им, что я оставила девушек у тебя, и они очень обрадовались, что красавицы находятся у царя, подобного тебе, так как они, когда видят их, усердно возносят за них молитвы, исполняемые Аллахом. Я хочу отправиться с ним к невидимым людям, чтобы их благое дыхание коснулось девушек, и, может быть, они вернутся к тебе с сокровищами земли. И по окончании твоего поста ты позаботишься об их одеждах. И те деньги, которые они тебе принесут, помогут тебе в твоих нуждах".

Услышав слова старухи, твой отец поблагодарил ее за это и сказал: "Если б я не боялся перечить тебе, я не согласился бы ни на сокровища, ни на что другое. Но когда ты уходишь с ними?" – "В двадцать седьмую ночь, – отвечала старуха, – а вернусь я к тебе в начале месяца, когда ты уже завершишь свой пост и пройдет время очищения девушек и они будут твои, под твоей властью. Клянусь Аллахом, цена каждой из этих девушек во много раз больше твоего царства". – "Я знаю это, о праведная госпожа", ответил царь. А старуха после этого сказала: "Ты непременно должен послать со мной кого-нибудь, кто тебе дорог, чтобы он нашел утешение и получил благословение невидимых людей". – "У меня есть невольница румийка, по имени Суфия, и она меня наделила двумя детьми, девочкой и мальчиком, но они исчезли несколько лет тому назад, – отвечал царь. – Возьми ее вместе с девушками, чтобы ей досталось благословение..."

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Восемьдесят шестая ночь

Когда же настала восемьдесят шестая ночь, она сказала: "Дошло до меня, о счастливый царь, что везирь Дандан рассказывал Дау-аль-Макану:

"И твой отец сказал старухе, когда она потребовала у него девушек: "У меня есть невольница румийка, по имени Суфия, и она меня наделила двумя детьми, девочкой и мальчиком, но они исчезли несколько лет назад. Возьми ее с собою, чтобы ей досталось благословение. Быть может, невидимые люди помолятся За нее Аллаху, чтобы он возвратил ей детей и она свиделась бы с ними".

И старуха воскликнула: "Прекрасно то, что ты сказал!" А когда твой отец стал близок к концу поста, старуха сказала ему: "О дитя мое, я отправляюсь к невидимым людям, приведи же мне Суфию".

И царь позвал ее, и она тотчас же явилась. И когда царь передал ее старухе, та присоединила ее к прочим девушкам. А затем она вышла в свою горницу и, вышеся запечатанный кубок, подала его царю и сказала: "Когда наступит тридцатый день, пойди в баню, а потом выйди из нее, войди в одну из тех комнат, что в твоём дворце, выпей этот кубок и засни. Ты достигнешь тогда того, чего желаешь, и мир тебе от меня".

И царь обрадовался и поблагодарил старуху и поцеловал ей руки, и она сказала ему: "Поручаю тебя Аллаху". – "А когда я увижу тебя, о благочестивая госпожа? Я хотел бы не разлучаться с тобою", – сказал царь. И старуха призвала на него благословение и отправилась с невольницами и царицей Суфией.

А царь прожил после этого три дня, и показался новый месяц, и тогда царь поднялся и пошел в баню и, выйдя оттуда, вошел в одну из комнат во дворце и велел никому не входить и запер дверь. И он выпил кубок и лег спать, а мы сидели, ожидая его до конца дня, но он не вышел из комнаты. "Быть может, он устал от бани, бессонных ночей и многодневного поста и потому спит", – сказали мы и прождали его до следующего дня, но он не вышел" Тогда мы встали у дверей в комнату и начали говорить, возвысив голос, и думали, что, может, он проснется и спросит, в чем дело. Но этого не случилось. И мы сорвали дверь и вошли к нему и увидели, что он уже разложился и его мясо сгнило и кости раскрошились. И когда мы увидели его в этом состоянии, нам стало тяжело, и мы взяли кубок и нашли на его крышке кусок бумаги, на котором было написано: "Кто сделал зло, о том не будут тосковать. Таково воздаяние тому, кто строит козни дочерям царей и портит их. Мы оповещаем всякого, кто прочтете эту бумажку, что Шарр-Кан, прибыв в наш город, восстановил против нас царевну Абризу, но ему было недостаточно этою, и он взял ее от нас и привез к вам, и потом отослал с черным рабом, и тот убил ее. И мы нашли ее убитой в пустыне и брошенной на землю. Так не поступают цари. И воздаянием тому, кто это сделал, будет то, что случилось с ним. Не подозревайте никого в его убийстве: убила его ловкая распутница, имя которой Зат-ад-Давахи. И вот я забрала жену царя, Суфию, и отправилась с ней к ее родителю Афридуну, царю альКустантинии. Мы непременно нападём на вас и убьём вас и отнимем у вас ваши жилища; вы погибнете до последнего, и не останется среди вас живущих в домах или раздувающих огонь, кроме тех, кто поклоняется кресту и поясу" [148].

И, прочитав этот листок, мы узнали, что старуха обманула нас, и ее хитрость с нами удалась. И тут мы стали кричать и бить себя по лицу и плакать, но от плача не было нам никакой пользы.

И среди войск возникло разногласие о том, кого сделать над собою султаном. И некоторые хотели тебя, а другие твоего брата Шарр-Кана. И мы пребывали в несогласии целый месяц. А затем некоторые из нас объединились, и мы захотели отправиться к твоему брату Шарр-Кану и ехали до тех пор, пока не нашли тебя. Вот почему умер султан Омар ибн ан-Нуман".

Когда везирь Дандан кончил свои речи, Дау-аль Макан я сестра его Нузхат-аз-Заман заплакали, и царедворец также заплакал, а затем он сказал Дау-аль-Макану: "О царь, от плача нет никакой пользы, и польза для тебя лишь в том, чтобы укрепить свое сердце, усилить свою решимость и утвердить свое господство. Ибо, поистине, тот, то оставил подобное тебе, не умер".

И тогда Дау-аль-Макан перестал плакать и велел поставить престол перед входом в палатку. А затем он приказал выстроить войска, и царедворец встал сбоку, и все оруженосцы встали позади, а везирь Дандан впереди него. И каждый эмир и вельможа знал свое место.

А потом Дау-аль-Макан сказал везирию Дандану: "Расскажи мне о казнохранилищах моего отца". – "Слушаю и повинуюсь", – отвечал везирь и осведомил его о казнохранилищах и о сокровищах и драгоценностях, находящихся там, и показал ему, сколько в его казне денег, И Дау-аль-Макан выдал войскам деньги [149] и одарил везирия Дандана роскошным платьем и сказал ему: "Ты остаешься на своем месте". И везирь поцеловал землю меж его рук и пожелал ему долгой жизни.

Потом Дау-аль-Макан наградил эмиров, а затем он сказал царедворцу: "Покажи мне подать Дамаска, которую ты везешь с собою". И

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей
царедворец показал ему сундуки с деньгами, редкостями и драгоценными камнями.

И Дау-аль-Макан взял их и роздал войскам..."

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.